

Екатерина

Рыклякова

Птицы его жизни

Екатерина Николаевна Вильмонт

Птицы его жизни

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51005045

Е. Н. Вильмонт. Птицы его жизни: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2020

ISBN 978-5-17-107699-3

Аннотация

В его жизни все донельзя запутано. Отношения с родителями: по словам отца, он «крученный, верченый». С женщинами – любимой и нелюбимой. У него большой талант, но гордость и гордыня мешают ему. Однако есть на свете девушка Аглая...

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Екатерина Вильмонт

Птицы его жизни

© Вильмонт Е. Н., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

*** * ***

Часть первая

Дело было в Берлинском аэропорту Шёнефельд.

– Привет, лапочка!

Передо мной стоял совершенно незнакомый мужчина и радостно улыбался. Я не успела и рта раскрыть, как он вдруг обнял меня за шею и прошептал на ухо:

– Сделайте вид, что рады встрече. Это в ваших интересах!

Я жутко испугалась. Что все это значит? А он шептал, не разжимая объятий:

– Вам что-то подкинули в рюкзак. Идемте со мной, и ничего не бойтесь.

И он куда-то меня повел.

– Я ничего не понимаю!

Я попыталась высвободиться из его объятий, но он держал меня мертвой хваткой.

– Перестаньте дергаться, я не причиню вам вреда, наоборот, я хочу спасти вас.

– Спасти? От чего?

– Ну вот что, ступайте сейчас в туалет и в кабинке проверьте, нет ли в вашем рюкзаке чего-то вам не принадлежащего. Если найдется, зажмите это в руке и, когда выйдете, отдайте мне.

Он говорил так властно и непререкаемо, что я совсем сомлела от страха.

– Ну же, девушка, что вы стоите? Идите скорее!

Я и, сама не знаю почему, подчинилась. Скорее всего от страха. Заперлась в кабинке и дрожащими руками открыла рюкзак. На первый взгляд там ничего постороннего не было. Я стала судорожно рыться в вещах и вдруг... обнаружила незнакомую ключницу из ярко-красной кожи. Но ключей там явно не было. Я дернула молнию. Внутри лежало пять пакетиков с белым порошком. Господи, что же это? Неужто кто-то подкинул мне наркоту? Я облилась холодным потом. «Зажмите в руке и отдайте мне!» Ничего себе... Вероятно, этот незнакомец заметил, как мне что-то подкинули в рюкзак и решил помочь... А я даже не помню, как он выглядит. Но сердце екнуло, я зажала в руке ключницу и, даже не глянув в зеркало и не вымыв руки, вышла из туалета. Кажется, это он стоит, ждет меня.

– Ну что, лапочка? Убедилась, что все с твоим личиком в порядке? – довольно громко произнес он. – Я же говорил, ты чудесно выглядишь! Пошли-пошли, успеем еще кофейку дернуть.

Он привел меня в кафешку, усадил.

– Сейчас принесу кофе!

Пока мы шли по направлению к кафе, он вынул из моей судорожно сжатой ладони ключницу.

– Сиди тут, я сейчас!

Я сидела в полной прострации. Что же это такое?

Он вернулся минут через десять с подносом, на котором

стояли два картонных стаканчика с кофе и минеральная вода. Поставил стаканы на стол и сел напротив меня.

– Все уже позади, успокойтесь и перестаньте дрожать. Все кончилось.

– Господи, что это было? Объясните же мне наконец!

– Теперь могу объяснить... – улыбнулся он.

У него было интересное лицо, хорошая улыбка, лет ему примерно тридцать шесть – тридцать семь.

– Я совершенно случайно увидел, что какой-то тип сунул что-то вам в рюкзак. Если бы вас стали обыскивать, неприятностей хватило бы на долгие месяцы, если не годы. Я хорошо знаком с такой практикой. Стоит милая девушка, веселая, спокойная, беззаботная, у физиономистов-таможенников подозрений скорее всего не вызовет... Понятно теперь?

– Это... Это наркотики? – одними губами спросила я.

– Да.

– Но... они же... они придут за ними?

– Не волнуйтесь, не придут! Я сумел подкинуть эту штуку ему же в рюкзак. Вон он стоит и ни о чем не подозревает. Классический пример – не рой другому яму. Ручаюсь, что в Москве его заметут.

– Господи, вы кто? Ясновидящий?

– О нет! Просто когда-то служил на таможне. Все, девушка, успокойтесь же, перестаньте дрожать! Да, а как вас зовут? А то все лапочка и лапочка!

– Аглая, Глаша.

– Какая прелесть! Никогда ни одной Глаши не знал. Хотя нет, вру! У моей бабушки была кошка Глаша. А я Мирослав. Идемте, а то опоздаем!

Мы встали в очередь на регистрацию, теперь уже совсем небольшую. От пережитого испуга у меня здорово кружилась голова и слегка подташнивало.

– Рюкзак в багаж сдавать будете? – спросил он.

– Нет. Зачем?

– Тоже верно, – кивнул он. – Ну, Глаша, я смотрю, вы маленько оклемались, а мне срочно нужно позвонить.

Он быстро куда-то ушел. И больше я его не видела, ни в самолете, ни потом, в аэропорту в Москве. Впрочем, это неудивительно, самолет был громадный, двухэтажный.

Я вызвала такси. И вдруг он подошел ко мне, этот Мирослав.

– До свидания, Глаша! И впредь путешествуйте лучше с чемоданом, безопаснее!

– Спасибо вам огромное, хоть вы и напугали меня!

– Того типа задержали, я видел. Живите спокойно, пока!

И он опять исчез.

У меня оставалось еще пять дней отпуска, успею прийти в себя после случая в берлинском аэропорту. Какая-то совсем киношная история... Но лучше поскорее о ней забыть, хотя мне понравился этот человек, Мирослав. Красивое имя... Считается, что девушка обязательно влюбляется

в своего спасителя, это естественно, но в моем случае это так глупо! Я ведь скорее всего никогда его больше не увижу, но и не забуду никогда!

И я с остервенением взялась за уборку квартиры. А то, когда выйду на работу, времени будет в обрез. Не могу сказать, что не люблю свою работу, тем более что мне очень неплохо за нее платят, но в последнее время мне стало там скучно. Не о том я мечтала, но... А ведь многие мечтают именно о такой работе. А я просто нахалка...

На другой день я проснулась в чистой квартире. Тихо, мирно, солнышко за окном, хорошо бы еще купить цветов... И ягод. Лето! Недалеко от дома с пятницы до понедельника работает ярмарка выходного дня, но сегодня еще только среда. Ничего, пройдусь пешочком до рынка, холодильник пуст, а есть хочется. И для начала я отправилась в маленькое кафе в соседнем переулке. В конце концов, я еще в отпуске. Я допивала кофе, как вдруг у меня зазвонил телефон. Номер был незнакомый.

– Алло!

– Простите, могу я поговорить с Аглаей Сергеевной? – спросил мужской голос, явно немолодой.

– Слушаю вас.

– Аглая Сергеевна, мне дал ваш телефон Игорь Прокудин. Игорь Прокудин бывший муж моей старшей сестры.

– Да-да, слушаю вас.

– Аглая Сергеевна, Игорь сказал мне, что вы великолепно

владеете четырьмя языками и у вас наверняка есть шенген.

– Все так, но...

– Аглая Сергеевна, голубушка, выручайте! У меня безвыходное положение, я должен завтра на два дня лететь в Вену, а моя помощница попала в больницу. Ради бога выручайте! Все будет хорошо оплачено. Умоляю, соглашайтесь! А иначе все полетит к чертям! – в его голосе слышалось отчаяние.

– Простите, не знаю, как к вам обращаться...

– Ох, я в спешке даже не представился. Андрей Борисов.

– А по отчеству?

– Олегович. Андрей Олегович. Ну, что скажете?

– Да в принципе это вполне возможно, я до понедельника в отпуске.

– Господь услышал меня! Спасибо вам огромное!

– Погодите, Андрей Олегович. Надо все же кое-что уточнить. Какой сферы касаются ваши переговоры? Я ведь в какой-то ситуации могу и поплыть...

– О, не беспокойтесь, голубушка Аглая Сергеевна! Игорь, с которым мы тесно сотрудничаем, говорил, что вы чрезвычайно добросовестны, и ему вы не раз помогали...

– О, в таком случае я согласна!

Мы еще обговорили кое-какие детали и условились встретиться уже в Шереметьеве.

Игорь Прокудин развелся с моей сестрой уже пять лет назад, вернее, это она с ним развелась и вышла замуж за ка-

надского француза по имени Оливье.

– Нет, ты подумай, Глашка, выйти замуж за салат! – горько смеялся Игорь, которого глубоко обидел поступок Анжелины, теперь она зовется Анжелой. Он любил ее, а она маниакально стремилась за рубеж. И увезла с собой их трехлетнюю дочку Валечку. Игорь не стал препятствовать, понимал, что одному ему не справиться с ребенком, и не желал вступать в борьбу, а моя сестрица всегда и за все боролась не на жизнь, а на смерть. Со мной она тоже боролась за родительскую квартиру. Но я вовсе не борец по натуре и в результате квартира была продана, мне сплюнули какие-то гроши и, если бы не наш дед, я бы осталась просто на улице.

– Глашечка, да черт с ней, перебирайся ко мне, а там ты или найдешь мужа с квартирой, или я скоро помру, только бога ради не ввязывайся в борьбу, все равно проиграешь, не тот у тебя характер, ты слишком порядочная, а Гелька пошла в бабку, ты же знаешь, я ее всегда звал Воеводой, только бабка-то ваша боролась за справедливость, а Гелька исключительно за собственные интересы.

И я перебралась к деду. Два года мы прожили душа в душу. А с Игорем мы друзья. Он больше не женился, не хочет. Крутит роман с замужней женщиной, обоих это устраивает.

А я в девятнадцать лет выскочила замуж за аспиранта филфака, на котором училась, но через год поняла, что мне категорически не нравится замужняя жизнь, и дождавшись, когда муж защитит кандидатскую (уйти до защиты я считала

непорядочным), после банкета объявила, что уйду. Он пошумел, поизображал страдание, но довольно скоро утешился. Господь с ним!

Перспектива на два дня слетать в Вену, а главное, заработать денег, меня здорово обрадовала. Я вообще легка на подъем. К тому же я была твердо уверена, что Игорь меня не подставит, не порекомендует какому-нибудь упырю. И тут я вспомнила совет моего спасителя Мирослава – путешествовать лучше с чемоданом. Чемодан у меня был, но слишком большой для двухдневной поездки. Мне давно нравились маленькие пластиковые чемоданы на колесиках. И я отправилась в ближайший супермаркет, где имелся большой отдел чемоданов и дорожных сумок. У меня разбежались глаза. Мне приглянулся один чемоданчик ярко-красного цвета, но он стоил столько, что сразу мне разонравился, слишком приметный, даже вызывающий. А вот тот, темно-вишневый? Тоже, прямо скажем, не дешевый, но, по крайней мере, мне он по карману. И я с восторгом его купила. Ничего, мне же заплатят за поездку.

Вернувшись домой, я позвонила Игорю.

– Привет, Глашка, знаю, зачем звонишь, – со смехом сказал он. – Не волнуйся, мужик более чем нормальный, я бы даже сказал золотой.

– Это в каком смысле?

– В моральном. Ему шестьдесят четыре, он крупный уче-

ный, мирового уровня, у него своя фирма и он постоянно мотается по свету. Но с языками беда, категорически к ним неспособен. Если вы поладите, у тебя может в корне перемениться жизнь. Ты же у нас лягушка-путешественница. Между прочим, он прекрасно знал твоего деда.

– Да ты что!

– Да, и это, кстати, решило дело. Он сказал: внучка Алексея Анатольевича – это лучшая рекомендация.

– Ну и для меня его знакомство с дедом о многом говорит. Так или иначе, а в Вену я еду!

– Вот и славно! Счастливого пути!

Мы с академиком Борисовым договорились встретиться возле справочной в половине девятого утра. В этот час там стоял только один человек, высокий, очень худой, в костюме с галстуком и явно дорогих элегантных очках.

– Андрей Олегович?

– О, голубушка, Аглая Сергеевна, как хорошо, что вы так пунктуальны! Но вы такая молоденькая!

– Да нет, мне уже двадцать девять.

– Не уже, а всего только двадцать девять, – рассмеялся он. – Будем знакомы. Я рад! Я прекрасно знал профессора Юрлова. Он был когда-то моим научным руководителем, очаровательный человек! Скажите, как лучше к вам обращаться, по имени-отчеству?

– Зачем? Лучше просто Глаша.

– Глаша, какая прелесть! Глаша, вы завтракали?

– Нет, не успела.

– Я тоже! В таком случае пойдете в «Кофеманию», там замечательно готовят овсяную кашу.

– Овсяную кашу? – удивилась я. – Ну что ж, идемте. Я еще никогда не ела овсяную кашу в аэропорту, даже в голову не приходило. Андрей Олегович, вы сидите, я принесу кашу.

– Глашенька, мне две порции. Советую и вам взять две.

– Спасибо, мне хватит одной.

– Погодите, возьмите-ка карточку, это на наше с вами питание! И закажите мне чашку капучино, а себе берите все, что вам глянется.

– Спасибо!

Он мне понравился, с ним было легко и просто. Что значит хорошо воспитанный человек.

Академик Борисов уплетал кашу с таким аппетитом!

– Глашенька, вы почему так на меня смотрите? Вам кажется абсурдной такая любовь к овсянке?

– Ну, если честно, то да.

– Понимаете, мне дома варят кашу, но она почему-то далеко не такая вкусная.

Андрей Олегович принялся за вторую порцию.

– Могу предположить, что дома из соображений, скорее всего, диетических, вам дают овсянку на воде, а тут – на молоке.

– Да? – Он озадаченно уставился на меня. – Так просто?

– Думаю да.

– Ну надо же... – И он вдруг залился каким-то детским смехом. – Какая же гадость все эти диетические соображения! Ну вот, поел как человек – и жизнь уже прекрасна! А теперь, Глаша, я расскажу, что, собственно, нам предстоит в Вене. Вы там бывали?

– Один раз. Три дня.

– Вы немецкий хорошо знаете?

– Да.

– Игорь, кажется, говорил про три или четыре языка?

– Ну да, еще английский, французский и чуть хуже испанский.

– Превосходно! – радостно потирал руки академик Борисов.

– Но, как правило, на переговорах вполне обходятся английским. Я как-то пришла в одну фирму устраиваться на работу и сообщила про четыре языка...

– И что?

– Мне сказали, что это лишнее, хватит и английского.

– Но на работу взяли?

– Нет. Сказали, что не хотят платить лишнее за ненужные им языки.

– Какой идиотизм!

– Я тоже так подумала и решила, что работать с такими идиотами себе дороже. Так все же, Андрей Олегович, что же нам предстоит?

– Да-да, извините, я отвлекся. С вами приятно болтать, а я, да будет вам известно, страшный болтун. Но к делу! Сегодня днем у нас обед с партнерами, вечером еще одна встреча. Завтра тоже деловой обед. И еще у меня будет к вам личная просьба: не могли бы вы купить хороший подарок для моей жены, у нее на следующей неделе день рождения.

– Ну, переговоры меня не смущают, а вот подарок для жены – это куда сложнее. Я же не знаю вашу жену, какие у нее вкусы, что она любит.

– Глашенька, моей Людмиле Арсеньевне исполняется пятьдесят восемь лет, значит, что-то молодежное ей не подойдет. Обычно я дарю ей просто какую-то сумму, но на сей раз хотелось бы что-то еще.

– Поняла. Тогда, может быть, хорошую дорогую сумку, в которую и положите вашу сумму?

Академик хлопнул в ладоши.

– Роскошная идея! Но какая это должна быть сумка?

– А какие ваша жена носит? На длинном ремне или же с двумя ручками, мягкая или, наоборот, жесткая?

– Господи помилуй!

– А у вашей жены есть близкая подруга?

– Есть, а что?

– А вы позвоните ей и объясните ситуацию. Близкая подруга должна знать такие вещи.

– В самом деле! – обрадовался Андрей Олегович. – Роскошная идея!

И уже через десять минут я знала, что сумка должна быть мягкой, на длинном ремне и непременно с карманчиком для ключей снаружи. Потом академик вручил мне еще одну карточку на покупку сумки и довольно пухлый конверт.

– Это ваш гонорар.

– Но я пока его не заработала.

– Заработаете! А вдруг вам тоже захочется что-то себе купить.

– Ну что ж, спасибо большое!

В Вене нас встретили, отвезли в хороший отель, дали час на сборы и потом повезли на деловой обед.

Переговоры были весьма оживленными, и у меня практически не было возможности нормально поесть. Ничего страшного, с голодухи не помру.

Потом мы с академиком решили пойти пешком в отель.

– Фу, как я устаю от этих переговоров, и как меня бесит моя вынужденная беспомощность. Ужасно в наше время не владеть ни одним иностранным языком... Это чудовищно глупо и нелепо, но я катастрофически неспособен к языкам.

– А я на что? По-моему, я справилась.

– Конечно, справились, на пять с плюсом, но остались голодная. Вот что, Глаша, сейчас мы зайдем в какое-нибудь кафе и вы нормально поедите. И не вздумайте возражать.

– А я и не возражаю.

Я чувствовала себя прекрасно. Дивный город, явно удач-

ные переговоры и удивительно славный этот Андрей Олегович. А утром еще предстоит пусть недолгий, но шопинг. Что еще надо в отпуске женщине? Разве что еще разок встретить Мирослава. Но это же нереально...

В самолете на обратном пути Андрей Олегович вдруг спросил:

– Глашенька, скажите, а где вы обычно работаете?

– В одной рекламной фирме. Довольно крупной.

– И что вы там делаете с вашим культурным багажом? На мой взгляд, реклама просто рассадник безграмотности и бескультурия.

– Пожалуй, я с вами соглашусь, – улыбнулась я, – но я просто перевожу всякие тексты, деловую переписку, и, по мере сил, стараюсь делать это грамотно. К тому же, мне там неплохо платят. И еще я участвую в переговорах с иностранными заказчиками. Как-то так...

– А коллектив приличный?

– Да не сказала бы, бабья много и, соответственно склок тоже хватает, но я по мере сил стараюсь держаться в стороне. Единственный недостаток, и довольно существенный, – это далеко от дома. А почему вы спросили, Андрей Олегович?

– Да вот пообщался с вами два дня, и возникло желание сманить вас к себе в контору. Я минимум раз в неделю встречаюсь с иностранными партнерами, изредка в Москве, а чаще летаю за рубеж, а с языками у меня сами знаете... Моя

помощница выходит замуж и уезжает в Македонию. Вот я и подумал... К тому же Игорь говорил мне, что вы любите путешествовать...

– Люблю, но...

– Разумеется, я понимаю, в подобных поездках, да еще с таким старым хрычом много не увидишь, но все-таки... С вами легко и приятно, у вас есть чувство юмора, что для меня очень важно, знаете ли. Полагаю, что смогу вам платить не меньше плюс командировочные. И кроме работы со мной непосредственно вы еще будете переводить разные тексты по мере необходимости. А кстати, где вы живете?

– На Селезневке.

– Позвольте, это же совсем рядом. А наша контора на улице Достоевского!

– Быть не может! Это же пешком всего ничего! – обрадовалась я.

– Соглашайтесь, Глаша! К тому же у нас коллектив в основном мужской!

– Андрей Олегович, а вы отдаете себе отчет в том, что многие станут говорить, будто я ваша любовница?

– Не смешите меня, деточка! Все знают, сколько мне лет, знают, что я не самый здоровый человек, у меня чудесная жена и вообще... И потом, пусть, в конце концов, судачат... – вдруг рассердился Андрей Олегович. – Мне на все пересуды начхать! Поймите, Глаша, мне никогда еще в деловых поездках не было так комфортно.

– Спасибо, приятно слышать, и предложение ваше очень лестно для меня. Но можно я все-таки подумаю?

– Конечно, Глаша, думайте. Посоветуйтесь с Игорем, он ведь тоже со мной работает. И сможет в корне пресекать всякие кривотолки, ежели они возникнут.

И вдруг внутренний голос сказал мне: что тут думать, соглашайся, дуреха! К тому же этот человек знал моего деда, учился у него. Я еще медлила с ответом, но тут мимо прошла одна из стюардесс, на бейджике было написано «Эвелина». В моей нынешней конторе Эвелина Серова была склочницей номер один. И она вечно цеплялась ко мне по любому поводу.

– Андрей Олегович, я согласна!

– Счастлив это слышать, Глашенька! – Он даже хлопнул в ладоши. – Но вам, вероятно, придется отрабатывать две недели? Да и я все должен уладить с вашей предшественницей.

Мы обсудили еще кучу каких-то деталей и остались все-ма довольны друг другом. Мне было с ним легко, почти как с дедом.

Академика Борисова встречала служебная машина, и он подвез меня до дому.

Войдя в квартиру, я первым делом позвонила Игорю и рассказала о предложении Андрея Олеговича.

– Вот и молодец, что согласилась. С ним иметь дело одно удовольствие. Настоящий русский интеллигент. Вроде твое-

го деда.

– Я это уже поняла и оценила. Но ты все же расскажи мне о нем поподробнее, чтобы я невольно не допустила какой-то бестактности.

– Молодец, Глашка, правильный подход. Ну что тебе рассказать... У него жена, очень славная тетка, живут вроде бы душа в душу, когда-то у них был сын, Константин.

– Умер?

– Нет. Сгинул.

– Как?

– Не знаю. Старик никогда о нем не говорит. Ходили слухи, что он то ли спился, то ли снаркоманился, то ли сел по уголовке... Впрочем, вполне возможно, что это все досужие домыслы. Короче, не задавай вопросов о детях, вот и все.

– Поняла.

– Ну, а какие там еще могут оказаться скелеты в шкафу, я просто не знаю. И потом, Глашка, подумай, есть разница – десять, максимум пятнадцать минут пешком и полтора часа в транспорте?

– Да, это очень существенно! Но ты-то разве на Достоевского работаешь?

– Нет, я в филиале.

– А, поняла.

– А он тебе про Таньку не рассказывал?

– Кто это Танька?

– Твоя предшественница.

– Сказал, что вышла замуж и уезжает в Македонию.

– И все?

– И все. А что там?

– На редкость вредная была девица, и дура к тому же. И, пожалуй, даже хамка. Можно сказать, презирала шефа за его неспособность к языкам и давала ему это понять.

– Нет, ни звука не произнес. И это говорит в его пользу!

– Ну конечно. Впрочем, я был уверен, что он о ней промолчит.

– А зачем же он ее держал?

– Думаю, не мог собраться с духом уволить ее. Боялся, видно, что она будет скандалить... И был, с одной стороны, счастлив, что она уходит, а с другой растерялся страшно. И кто-то ему напомнил, что моя родственница знает языки. Он позвонил мне, ну и вот... Думаю, ты не пожалеешь.

– Надеюсь.

Сказать, что на моей работе очень расстроились, узнав, что я ухожу, было бы безбожным преувеличением. Правда, мой непосредственный шеф Эдуард поинтересовался:

– И чем тебе тут плохо было?

– Совсем даже не плохо, просто далеко. А там десять минут пешком. Есть разница?

– А это учреждение тоже связано с рекламой? – поинтересовался он.

– Нет, там занимаются наукой!

– И там прилично платят? – крайне удивился он.

– Да, вполне прилично.

– Ну что ж, тогда иди, как говорится, с богом. Думаю, ты там помрешь со скуки!

– Поживем – увидим, – пожала плечами я.

– Но две недели хошь не хошь должна отработать!

– Естественно.

Зато Эвелина буквально не давала мне проходу!

– Признайся, Глашка, дело в мужике? Он там работает?

– Нет. Но там практически одни мужики. Выбор огромный! – засмеялась я, зная, как она озабочена этим вопросом.

– Серьезно?

– Да. И все ученые!

– Ученые? Кому нынче сдались ученые? Неперспективно.

– Зато сколько времени экономится для поиска перспективных мужиков! Три часа в сутки!

Я пришла к выводу, что близость новой работы к дому наилучшее объяснение моего ухода. Впрочем, это и в самом деле явилось решающим моментом для меня. Упоминать о поездках по миру в качестве переводчицы я не считала нужным.

Эти две недели показались мне каторгой! Три часа в день на дорогу! И как я раньше не думала об этом? Теперь же можно будет вставать на час или даже полтора позже. Вот лафа! Но тут из Португалии вернулась моя соседка и подружка Марьяна. Она каждое лето ездила туда к брату, который

был женат на португальской красавице по имени Эсперанса. Марьяна после месяца жизни на берегу океана возвращалась всегда свежая, как майская роза, довольная, но всякий раз начинала стонать:

– Ой, Глашка, не могу я там... Все чужое, и этот язык, недоиспанский... Нет, я могу жить только в Москве! Ладно, это старая песня! А что у тебя? Все по-старому?

– А вот и нет! Все по-новому. Через неделю выхожу на новую работу! И спроси, где!

– И где же?

– На Достоевского!

– Да иди ты! Честно?

– Честно-честно!

– Здорово! И что за работа?

Я объяснила.

– Звучит, конечно, неплохо, но...

– Какое может быть «но»?

– Ну, по сути, ты же будешь не столько референтом, сколько нянькой с четырьмя языками.

– Да почему нянькой?

– Ну, будешь сопровождать старикашку, варить ему кашку...

– Варить не буду! – засмеялась я. – Только приносить из «Кофемании». А мне не запахло!

– Ничего не понимаю, при чем здесь «Кофемания»?

Я объяснила.

– Ну, дело, конечно, твое...

– И потом, Андрей Олегович вовсе не старикашка.

– А он женат?

– Женат. А ты что, решила, что я за него замуж собралась?

– Ну, вообще-то пора...

– Ох, Марьяшка, если бы ты знала, что со мной было!

– Где?

– В Берлинском аэропорту. На обратном пути.

И я рассказала ей про Мирослава.

– Обалдемон! Просто как в сериале! А как он выглядел?

– Хорошо выглядел... Чуть выше среднего роста, фигура отличная, коротко стрижен, загорелый, глаза большие, серые... И улыбка такая... И руки...

– Глашка, нешто ты влюбилась?

– А кто на моем месте не влюбился бы? Только он вовсе не собирался продолжать знакомство.

– Слушай, а кольцо на пальце было?

– Не обратила внимания. Меня так трясло от страха...

– Да, история... И он даже не сказал, как его зовут?

– Почему, сказал. Мирослав.

– Мирослав? Красивое имя. А между прочим, сколько раз я тебе говорила, что ездить с рюкзаком неженственно!

– Я уже купила чемоданчик.

– Да, а на новой работе есть дресс-код?

– Не думаю.

– Говоришь, там одни мужики работают?

– Андрей Олегович так сказал.

– Тебе надо в корне поменять свой стиль.

– Зачем это?

– Ты не должна ходить туда в образе «своего парня»! Куда это годится? Джинсы, ковбойки, ветровки... Ты уже старовата для такого стиля. И никаких кроссовок, только изящная обувь! У тебя же красивые ноги, зачем их скрывать? Может, была бы ты одета, как девушка, глядишь, этот Мирослав взял бы твой телефончик!

– Ну, будь я одета, как девушка, у меня не было бы рюкзака, а следовательно...

– У тебя мог бы быть изящный маленький рюкзачок вместо сумочки, и тогда... А вот скажи, в Вене на переговоры ты тоже ходила в ковбойке и джинсах?

– Нет, конечно! В костюме с блузкой и на шпилечках.

– Скажи, а в Берлине ты себе никаких шмоток не купила?

– Купила! Одно дорогущее платье в магазине «Марко Поло».

– Покажи!

Я показала.

– Обалдемон! – всплеснула руками Марьяна. – Полный обалдемон! Вот в этом платье ты просто классно смотришься! Только не советую надевать его в первый рабочий день. Не так поймут.

– Нет, Марьяшка, я его собираюсь надеть в последний день на старой работе!

– Вот это клевая мысль! Представляешь себе, какой там будет обалдемон?

– Еще бы!

И я осуществила свою идею. Это был полный обалдемон!!!

И как вовремя я его надела! Это был последний теплый день! А платье сугубо летнее. Зарядили дожди, здорово похолодало... Ну, ничего, июль только начался...

Едва я переступила порог и предъявила выданный мне накануне пропуск, как увидела входящего за мной Андрея Олеговича. Он расплылся в радостной улыбке.

– Глашенька! С первым рабочим днем!

Чудесно выглядите! Валентин! – окликнул он молодого человека в футболке с надписью «Фиг ли!».

– Здравсте, шеф!

– Валя, пожалуйста, познакомьтесь, это Аглая Сергеевна, она будет вместо Татьяны! А это, Глаша, наш Валентин Германович, заведующий отделом по связям с общественностью. Валя, не считите за труд проводить Аглаю Сергеевну на ее рабочее место.

– Ладно, шеф, не сочту! Тем более что у девушки такие красивые ножки! Идемте, мадемуазель! Или, может, мадам? Но кольца не вижу!

– Да нет, мадемуазель, – засмеялась я. И он повел меня

к лифту.

– Скажите, мадемуазель, вас и вправду зовут Аглаей? А сокращенно как?

– Глаша! Только не говорите, что у вашей бабушки была кошка Глаша!

– Представьте себе, была! Только не у бабушки, а у мамы, и не кошка, а такса! – рассмеялся он.

Мы поднялись на третий этаж.

– Знаете, мне всегда казалось, что отделами по связям с общественностью, как правило, заведуют женщины.

– Ну, это смотря где! Наша специфика чересчур сложна для прекрасных дам!

– О, вы шовинист?

– А вы феминистка, что ли?

– Боже упаси!

– Я тоже не шовинист. Просто мы это уже проходили и пришли к выводу, что на этом месте мужчина более уместен.

– Уместен на месте? Как-то не очень...

– Филфак? – засмеялся он. – Признаю, фразочка не очень... А вот мы и пришли!

В комнате сидело еще три человека: пожилая женщина в теплой шали и два совсем молодых парня.

– Здравствуйте! Господа, позвольте вам представить, наш новый сотрудник Аглая Сергеевна Юрлова, вместо Татьяны!

Женщина окинула меня придирчивым взглядом и вдруг ласково улыбнулась. Парни кивнули.

– А это наш талисман, Евгения Давыдовна Мерззликина. А эти два оболтуса зовутся одинаково, Юрами, Юра Большой и Юра Рыжий! Тем более что у рыжего фамилия Рыжов, а у Большого – Большов! Вот такие тут у нас особенности. А это, Аглая Сергеевна, ваш стол. Располагайтесь. Евгения Давыдовна введет вас в курс дела. Засим позвольте откланяться!

И он ушел.

– Скажите, Аглая Сергеевна, – начала Евгения Давыдовна, – вы не родственница профессора Юрлова?

– Да, я его внучка.

– С ума сойти, я хорошо знала вашего деда, одно время даже работала с ним, но недолго, всего год... Замечательный был человек!

– Спасибо, мне приятно это слышать, Евгения Давыдовна.

– Давыдовна, – начал Юра Большой, – вообще-то такое дело отметить надо, новый человек в команде...

– Отметим, Юрочка, но после работы!

– Полагаю, господа, я должна проставиться? – поинтересовалась я. – Так я не против, но не в курсе ваших пристрастий!

– О, наш человек! – хлопнул в ладоши Рыжий.

– Глаша, у нас на фирме сухой закон! Поэтому только чай-кофе, а с вас что-нибудь сладкое! Мы тут все ужасные сластены и ни разу не диабетики! – засмеялся Большой.

– Это пока не диабетики! – вздохнула Евгения Давыдовна.

– Типун вам на язык, мама Женя! – воскликнул Боль-

шой. – А что касается наших вкусов, то мы не особенные гурманы!

– Поняла! Я закажу, и к обеденному перерыву все доставят на проходную. Это возможно?

– Вполне!

– Все, хлопчики, за работу! Глаша, тут скопилось много всякой прессы и писем. За работу!

И она положила передо мной довольно пухлую папку. Я взялась за дело. Но ощущение от знакомства с новыми коллегами осталось самое приятное.

Часа за два до обеденного перерыва я заказала в хорошо знакомом мне заведении неподалеку большой пирог с мясом и много разных пирожных. На окне стояла хорошая кофеварка. Надо будет на днях принести кофе и чай.

Настроение у меня было роскошное, работа шла легко.

И хотя все они тут были сластенами, но восторг от мясного пирога превзошел все мои ожидания.

– Глафира, супер! – Показал мне большой палец Рыжий.

– Рада, но вообще-то я Аглая!

– А можно я буду звать тебя Глафирой?

– Да хоть горшком!

Парни одобрительно переглянулись.

К нам заглядывали люди из других отделов, меня с ними знакомили. В основном это и вправду были мужчины.

Примерно часа за полтора до конца рабочего дня мне позвонил Андрей Олегович.

– Глашенька, как работается?

– Спасибо, все отлично!

– Вот и славно, а в субботу я приглашаю вас в гости, хочу познакомить с женой. Приходите к обеду, к трем часам. Сможете?

– Да, смогу! Спасибо!

– Вот и хорошо! Будем ждать!

В какой-то момент, когда в комнате осталась только Евгения Давыдовна, она спросила:

– Что, Глаша, шеф в гости приглашает?

Я замялась.

– Да не дергайся ты, все нормально! Просто Людмила Арсеньевна должна утвердить твою кандидатуру!

– Господи! Зачем это?

– Ну, она хочет знать, с кем ее супруг будет колесить по миру.

– С ума сойти! А кандидатуру Татьяны она утверждала?

– Конечно, но она же не Тамара Глоба, и не могла знать, что Танька в Македонию намылится. Между прочим, имей в виду, что эта работа только на первый взгляд такая сладкая, когда все время мотаешься по разным странам, а во время переговоров даже кусок проглотить бывает невозможно...

– Знаю! Уже съездила с боссом в Вену. После этой поездки он мне и предложил работу. А мотаться по разным странам я люблю! Да, Евгения Давыдовна, а если вдруг жена босса не утвердит мою кандидатуру?

– Да ерунда все это! Если ты Борисова устраиваешь, то работай себе спокойно. Это у него голова должна болеть, а не у тебя. Ты не представляешь, как он комплексует из-за своей неспособности к языкам! А ездить и общаться с иностранными партнерами приходится постоянно! И он в принципе хороший мужик, только бездельников не терпит. Причем ему неважно, корпишь ты над каким-то заданием круглые сутки или справляешься за два часа, лишь бы работа была сделана как следует. Поэтому у нас практически нет текучки...

Короче говоря, первый рабочий день на новом месте прошел на удивление хорошо. А уж когда я вышла на улицу и через двенадцать минут – я засекала время – очутилась у своего подъезда, жизнь и вовсе показалась мне прекрасной! У лифта я столкнулась с Марьяной.

– Обалдемон! Ты с работы уже?

– Да!

– Ну и как?

– Да здорово все! Слушай, Марьяшка...

– Хочешь сказать, что это надо отметить?

– Читаешь мои мысли!

– Что предлагаешь?

– Идти куда-то неохота, но у меня же есть твой португальский портвейн и я вчера нажарила вешенок с картошкой.

– Портвейн с картошкой? Это по-нашему, годится!

– Тогда приходи через минут сорок, я приму душ...

– Через час! А я принесу мороженое!

– В такую холодину?

– Ништяк! Мы же русские бабы, не замерзнем!

В субботу я купила букет коралловых голландских пионов и поехала на улицу Дмитрия Ульянова, где жил академик Борисов.

Мне открыла немолодая, но элегантная женщина с добрыми глазами.

– Вы Глаша? Очень рада, заходите!

– Здравствуйте, Людмила Арсеньевна! Вот, это вам!

– Какой удивительный цвет у этих пионов! Никогда таких не видела! Они не пахнут...

– Зато они постепенно меняют цвет. Сейчас они коралловые, а потом станут сперва желтыми, а потом и почти белыми.

– Как интересно! Спасибо, Глашенька! Андрюша говорит по телефону. Садитесь, деточка! Скоро будем обедать. Знаете, Андрей Олегович был в восторге от вас после Вены. Вы действительно внучка профессора Юрлова?

– Да.

– Я тоже помню вашего дедушку...

Тут в комнату вошел до ужаса важный сибирский кот. Толстый и красивый.

– Ой, какой красавец! Как его зовут?

– Машук!

– Машук? – засмеялась я.

– Да, история банальная, взяли котеночка, назвали Машкой, а он оказался Машуком! Машуня, иди сюда, познакомься с Глашей!

Машуня медленно подошел ко мне, принюхался, и вдруг вскочил мне на колени!

Я обрадовалась, а Людмила Арсеньевна ахнула.

– С ума сойти! Он сроду ни к кому чужому на колени не прыгал. Видно, вы ему здорово понравились!

– А уж как он мне нравится!

Я чесала кота за ухом и под подбородком, а он громко мурлыкал и терся об меня. И тут вошел Андрей Олегович.

– Господи, что за чудеса! Машук на коленях у новой гостыи! Глаша, это высшая степень признания! Здравствуйте, дорогая! Людочка, ты не ревнуешь?

– Кого я должна ревновать, уж не тебя ли?

– Да где уж нам! Машуню!

– Нет, Андрей, не ревную! Ну, все, пора за стол!

Стол был накрыт в небольшой столовой, и Машук сразу уселся на четвертый стул.

– Этот негодяй привык с нами обедать! – пояснил Андрей Олегович.

И он поставил на стол мисочку с сухим кормом. Кот встал на задние лапки и принялся аккуратно питаться. Я вдруг почувствовала себя уютно и спокойно. Обед был очень вкусным, а разговор оживленным.

– Знаете, Глаша, мы хотели пригласить к обеду еще и Иго-

ря, но он сказал, что никак не может. Он ведь, кажется, был женат на вашей сестре? – спросила Людмила Арсеньевна.

– Да.

– И она увезла их дочку за границу?

– Да.

– А вы поддерживаете отношения с сестрой?

– Нет.

– Люда, ты задаешь бестактные вопросы!

– Ох, простите, я просто не думала... Извините, Глаша!

– Да ничего страшного, – улыбнулась я. – Мы с сестрой никогда не были особенно дружны. И прекрасно обходимся друг без друга.

– Да, к сожалению, близкие люди часто обходятся друг без друга... – грустно проговорила Людмила Арсеньевна.

Я поняла, что она имеет в виду сына.

Людмила Арсеньевна направилась на кухню. Я предложила ей помощь, но она категорически отказалась.

– Глаша, вы бывали в Марокко? – спросил вдруг Андрей Олегович.

– Нет. А что, мы поедем в Марокко? – загорелась я.

– Не исключено. Но не сейчас, а во второй половине сентября.

– О! Это же мечта!

– Вот и отлично! А пока в четверг мы летим в Брюссель на два дня и оттуда на сутки в Страсбург. В понедельник вы получите все распечатки, надо будет перевести...

– Переведу! Это же моя работа... А билетами и отелом тоже мне...

– Нет, это не ваша забота! У нас есть специальный человек...

Тут Людмила Арсеньевна внесла на подносе какой-то фантастически красивый маленький торт.

– Это вы сами готовили? – ахнула я.

– О, Люда у меня знатный кондитер! Только редко теперь меня балует...

– Да, Глашенька, я забыла поблагодарить вас за сумку! Восторг! Признайтесь, это вы надоумили моего мужа позвонить подруге? Сам он не сообразил бы...

– Признаюсь, я. Ну, сами подумайте, просит человек купить жене подарок...

– А почему вы решили купить именно сумку? Повторяю, я в полном восторге, но все же?

– Просто потому что сама обожаю хорошие сумки. Знаете, есть две вещи, которые я покупаю, что называется, по велению сердца – сумки и темные очки.

– Как это – по велению сердца?

– Вот хожу, ищу сумку, и вдруг сердце начинает биться быстрее, значит, моя сумка...

– Надо же, как интересно... Но ведь сердце наверняка выбирает самые дорогие?

– Не сказала бы... О боже, Людмила Арсеньевна, какой сказочный торт!

Торт и в самом деле таял во рту.

– А вы умеете готовить, Глаша?

– Умею, да, но вот печь – нет.

– Хотите, научу?

– Да нет, спасибо, пока не нужно...

– Почему это?

– Не для кого!

– Люда, девушке скоро некогда будет не то что торты испекать, а и дышать... Нам предстоит такой объем работы, столько поездок! На носу конгресс в Португалии. Переговоры в Швейцарии, в Малайзии, в Южной Африке, тут не до тортов! И не до романов...

– Девушкам всегда до романов! – улыбнулась Людмила Арсеньевна. – Тем более таким очаровательным девушкам.

Короче говоря, обед прошел, что называется, «в теплой дружественной обстановке». Меня приглашали еще заходить в гости. Видимо, мою кандидатуру утвердили!

Так началась новая страница моей жизни. На работе мне скучать не приходилось, обстановка в коллективе была вполне приятной, а поездки с шефом приносили массу впечатлений и удовольствий, несмотря на обычно очень плотный график. Можно даже сказать, что мы с академиком подружились. В поездках он был совсем другим, нежели на фирме. Куда мягче и спокойнее. И как-то за очередной кашей в аэропорту я ему об этом сказала.

– Это естественно, Глаша, вы умная интеллигентная де-

вушка, у вас хорошая аура, а в коллективе нельзя быть мягким, а то сядут на голову. И потом, я не выношу некомпетентности. Это в нашем деле недопустимо. Глаша, скажите откровенно, почему вы одна? Это неправильно!

– Просто не встретила своего человека... По глупости выскочила замуж в девятнадцать лет и ничего из этого не вышло. И потом я последовательница Омара Хайяма. «Уж лучше одному, чем вместе с кем попало!» Так, кажется?

– Кажется, да, – улыбнулся он. – А вот Костя, наш сын, считал по-другому...

Он впервые заговорил о сыне.

– Связался с кошмарной девицей, мы воспротивились, и он ушел... Мы ужасно расстались! Примерно раз в год от него приходит открытка, мол, жив-здоров, искать меня не надо.

– Неужели все дело в девушке?

– Нет, это было, в сущности, предлогом, последней каплей... У него чудовищно трудный характер. Не терпел никакого диктата, ни в чем... Не слушал советов, жаждал какой-то абсолютной свободы, которой в цивилизованном обществе попросту быть не может. Впрочем, бог ему судья. Но нам так его не хватает... Людочка иногда плачет втихомолку...

– А вы не пробовали его искать? Ведь прошли годы... Он наверняка повзрослел, поумнел, понял что-то... Одно то, что он шлет вам открытки...

– Да ничего это не значит. Он их шлет, просто чтобы мы не вздумали его искать. Убежден в этом. Что ж, это его выбор... Я постоянно занят, мне недосуг предаваться печали и углубляться в свое отцовское разочарование, а вот Люда, когда вышла на пенсию... Я знаю, она даже пыталась найти его следы в соцсетях, но напрасно... Я объяснял ей, что человек, помешанный на свободе, не станет заниматься этой чепухой, которая, по сути, делает человека несвободным, категорически несвободным... Глаша, а вы?

– Что я?

– Как вы относитесь к соцсетям?

– Сугубо отрицательно.

– И вы не чувствуете себя одинокой без общения в соцсетях?

– Нет! Жизнь кажется мне очень интересной и без этих иллюзий...

– Умница, Глаша!

У него были очень печальные глаза. И я решила отвлечь его.

– А знаете, Андрей Олегович, что со мной случилось буквально за день до нашего с вами знакомства?

– Видимо, что-то хорошее, раз вы решили таким образом отвлечь меня от грустных мыслей? – улыбнулся он. – Ну, расскажите!

И я рассказала ему о встрече с Мирославом.

– Да, история! Как романтично! И этот человек даже не

спросил ваш телефон?

– Нет, он просто спас меня, и все... Бескорыстно!

– Настоящий мужчина... А вы часом не влюбились в него?

– Недели две думала, что влюбилась... Но это еще хуже, чем влюбиться в киноактера.

– Потому что фильм можно пересматривать пока не обрыднет? – засмеялся он.

– Вот именно!

Но тут объявили посадку на наш рейс.

Время шло. Как-то вечером ко мне заглянула Марьяна.

– Слушай, Глашка. В доме художника открыта выставка керамики.

– И что?

– Давай сходим!

– С чего это вдруг? – безмерно удивилась я.

– Ну, хочется просто... – каким-то странным тоном сказала она.

– Марьян, колись, в чем дело?

– В том, что художника зовут Мирослав.

– Ну и что? Мирослав не Навуходоносор.

– А вдруг это твой Мирослав?

– Да ну...

– Ну ладно, не вредничай, Глашка! Завтра суббота, сходим на выставку, а потом посидим в кафешке.

– Ладно, сходим, – согласилась я. – Почему бы и нет.

Выставка была небольшая, всего один зал. Художника звали Мирослав Гончар. И мне страшно понравились его работы. Это были в основном сосуды каких-то удивительных форм. Но особенно меня пленили стоявшие на отдельном стенде четыре подобия амфор с фигурами танцовщиц, белыми, красными, желтыми и голубыми. Танцовщицы казались воздушными, чуть ли не прозрачными, и они словно летели...

– Ты чего застыла? Нравится?

– Не то слово!

– А ты глянь, как называется экспонат! «Они раньше исполняли танец маленьких лебедей».

– Слушай, как здорово! Маленькие лебеди выросли и стали такими дивными балеринами... Хотя нет, они просто стали солистками балета... Как хорошо, с одной стороны, все понятно, а с другой – какой простор для воображения! Каждой можно придумать судьбу... Вот эту, красную, ее сжигают страсти... Видишь, какие руки... Ох, Марьянка, будь у меня большой дом, я бы ничего не пожалела и купила эти вазы... И любовалась бы ими...

– Воображаю, сколько они стоят!

– Ну, в моей двушке им по-любому было бы тесно...

Там были и еще интересные вещи, но я невольно возвращалась взглядом к танцовщицам.

– Интересно, а автор здесь? – спросила Марьяна.

– Зачем он тебе?

– Посмотреть охота!

Она подошла к пожилой смотрительнице.

– Простите, пожалуйста, а господин Гончар сегодня здесь?

– Нет, он только завтра будет. А вы хотели бы что-то купить?

– Ну, в принципе... Да!

– А что именно? Я отмечу, а вы завтра приходите.

– Вообще мне жутко понравились вон те четыре вазы. Они все скопом продаются или можно купить одну?

– Они уже проданы.

– Да? А там не написано...

– Написано, вы просто не заметили...

– Да? Может быть. Так залюбовались...

– Ладно, Марьяш, пойдем, – позвала я ее.

Мы вышли на улицу.

– Вот интересно, – начала Марьяна, – это псевдоним «Гончар»? Ваша фамилия? Гончар! А ваша профессия? Гончар!

– Ну, Гончар достаточно распространенная фамилия... А человек явно очень талантливый.

– Жалко, не удалось на него посмотреть.

– Да ну, ерунда это... Пошли кофе пить!

А в воскресенье вечером мы с Андреем Олеговичем улетели в Будапешт. И пробыли там два дня.

Едва я вошла в квартиру, как в дверь позвонили. Я открыла. На пороге стояла Марьяшка с весьма загадочным выра-

жением лица.

– Ну, как съездила?

– Нормально. Очень красивый город. Но мне там почему-то было неуютно.

– Это потому, что ты венгерского не знаешь! Привыкла везде быть как рыба в воде со своими языками...

– Может, ты и права, – засмеялась я. – Колись, что там у тебя. Такая загадочная физиономия!

– У меня, – она подняла вверх свой смартфон. – У меня тут портрет Мирослава Гончара!

– Откуда? В Сети нашла?

– Ни фиги! Просто сфоткала на выставке. Вот, глянь, твой Мирослав?

У меня сердце оборвалось. Это был он! Тот же слегка нахмуренный взгляд огромных глаз... Тот же сурово сжатый рот...

– Ой, Глашка, это он, да?

– Да!

– Обалдемон! Я как чувствовала! На другой день опять поехала на эту выставку...

– Зачем?

– Любопытство заело! Я вот чуяла, что это твой Мирослав...

– Ты его тайком снимала?

– Да нет, почему! Просто подошла, улыбнулась, наговорила кучу комплиментов его творениям, он и поплыл, правда,

далеко уплыть ему не дали...

– То есть?

– А баба там появилась...

– Его баба?

– Похоже, его.

– И что?

– Подошла к нему эдак по-хозяйски, взяла под руку и очень властно заявила: «Мирек, к чему это все? Девушка, вы журналистка?»

– А ты что?

– Сказала, да, журналистка!

– А она?

– «Мирослав не выносит прессу! Если вам нужно интервью, так обращайтесь ко мне, я его представитель!» Сунула мне свою визитку и тут же ушла. Вместе с ним. Практически увела. И по-моему, она не только представитель...

– А что за баба-то?

– Лет на десять его постарше, очень элегантная, противная, акцент у нее какой-то, не поняла, какой именно. Вот ее визитка, глянь!

Я глянула: «Анетта Бергстрем, галерист».

– Судя по фамилии, она шведка или что-то в этом роде.

– Но по-русски чешет совершенно свободно.

– Красивая?

– Эффектная. Но старая. И он, сдается мне, ее побаивается.

– Невероятно!

– Что, собственно, невероятно?

– Чтобы такой лихой и решительный мужик побаивался...

– А что такого невероятного? Похоже, его художественная судьба как-то зависит от этой тетки, она держит его в ежовых рукавицах...

– Значит, о нем и думать не стоит!

– А ты все еще думаешь? Обалдемон!

– Теперь больше не буду.

– А вообще-то он и вправду очень интересный, фигура хорошая...

– Да много ли толку во всем этом, если он боится и полностью зависит от старой бабы.

– Ой, Глашка, ты что, все-таки влюблена в него? По уши, да?

– Нет, я была влюблена в того, из берлинского аэропорта... И отдельно влюблена в его четыре амфоры. Я же не знала, что это он... Ох, Марьяна, и какого черта тебя понесло на эту выставку? А теперь... такое разочарование...

– Ну и хорошо! Скажи лучше спасибо! Зачем он нужен такой?

– Такой – не нужен!

Прошло дня три, и как-то на работе, когда я закончила перевод протоколов Будапештского конгресса, я полезла в Интернет, узнать, кто такая Анетта Бергстрем, и выясни-

лось, что шведская галеристка Анетта Бергстрем, в девичестве Анна Нечитайло, родилась в Свердловске, ныне Екатеринбурге, окончила Строгановку, вышла замуж за шведского миллионера Уве Бергстрема. Десять лет назад овдовела, содержит художественную галерею в Стокгольме и помогает молодым талантливым художникам из России. Про Мирослава Гончара там не было ни слова. Тогда я набрала в поисковике «Мирослав Гончар». Сведения более чем скудные. Родился в Москве в 1983 году в семье врачей, высшего образования не получил. По профессии гончар. Вот и все. Не густо. Столь скудные сведения обычно означают, что человек явно скрывает свою истинную биографию, либо попросту стыдится ее. Вполне возможно, что там, в берлинском аэропорту, он действовал столь умело и решительно, не потому что работал на таможне, а потому что сам занимался подобными делами, засовывал в чужие рюкзаки наркоту. Ведь засунул же он красную ключницу в рюкзак тому парню. И тот ничего не заметил, а в Москве его вроде бы замели. А может, дело было вовсе не во мне, а в том, что он знал этого типа и таким образом за что-то мстил ему? Да, тут сам черт ногу сломит... Но меня неудержимо тянуло вновь и вновь смотреть на его фотографию, которую Марьяна милостиво скинула мне на телефон. Какое дивное лицо! Глаз не оторвать. Эти огромные глаза, в которых читалась... боль. Едва заметная улыбка, коротко стриженные темно-русые волосы... На такое лицо можно смотреть долго-долго и видеть в нем то,

что, собственно, хочется видеть. Мужественного человека, романтического героя, спасающего незнакомую женщину, а вовсе не пусть и талантливую, но художника, зависящего от галеристки, с которой он, скорее всего, спит, а она держит его при себе... Нет, это не мой герой! Зря Марьяшка полезла в эту историю. Расковыряла все... А я уже начала забывать о нем. Видимо, в Берлинском аэропорту он был один, и там он был мужчиной, а в выставочном зале под присмотром фру Бергстрем – слабаком-художником... Может, у него раздвоение личности? А зачем мне псих? Боже упаси! И все-таки я постоянно возвращалась мыслями к Мирославу Гончару. Перед глазами стояло его лицо и... четыре амфоры с танцовщицами. И как-то утром я вдруг поняла, что мне просто необходимо еще раз поехать на эту выставку, если она, конечно, еще не закрылась. Я полезла в Интернет. И выяснила, что завтра последний день ее работы. У меня уже не осталось сомнений.

– Евгения Давыдовна, можно мне сегодня уйти часа в три? – не без робости спросила я.

– А в чем дело, Глашенька?

– Да мне к врачу надо! – соврала я.

– Ну, если к врачу... Идите, конечно. У вас что-то болит?

– Хоть и не болит, но... пломба вылетела. И уже начинает ломить от холодного...

– Ох, бедненькая! Идите, конечно, идите! Зубы запускать нельзя!

И я поехала на выставку. В зале кроме меня никого не было. Но большинство работ было уже продано. Впрочем, я ничего покупать не собиралась. Смотрительница сегодня была другая. Я спросила:

– Извините, а автор сегодня будет?

– Вроде недавно был, может, еще заглянет, – совершенно безразличным тоном ответила женщина.

И вдруг мой взгляд наткнулся на совсем небольшой кувшин, ничем как будто бы не примечательный, из темной словно бы старинной глины, такое впечатление, что его нашли на раскопках... Я пригляделась, таблички с надписью «Продано» не было видно.

– Скажите, а этот кувшин продается?

– Таблички нету? Значит, продается.

– А сколько он стоит?

– Да откуда мне знать! – раздраженно бросила женщина. – Сейчас позвоню. Вы в самом деле хотите купить или же просто так интересуетесь, а то мне лишний раз зазря с этой мегерой общаться нет резона.

Очень интересно, кого она имеет в виду? Уж не Анетту ли Бергстрем?

– Я бы купила, но я ж не знаю, сколько стоит, может, мне это не по карману, – улыбнулась я женщине.

– Да тут все дорого, сам-то Гончар легко сбавляет цену, а вот его мегера...

– Кто? Жена?

– Ну, похоже на то. Так что, девушка, звонить? Какой там номер у экспоната?

Я сообщила номер.

Женщина позвонила.

– Алло, здравствуйте. Тут девушка хочет купить кувшинчик, ценой интересуется. Вы сможете подождать четверть часа? – обратилась она ко мне.

– Конечно, подожду!

– Она сама придет, – проворчала смотрительница. И вдруг лицо ее расплылось в улыбке. – Ой, а вот и автор!

Я оглянулась. Передо мной стоял Мирослав!

– Глаша? Вы? Как вы сюда попали?

– Ну, для начала здравствуйте, Мирослав! – Я протянула ему руку.

Он, чуть помедлив, схватил ее и крепко пожал.

– Так каким ветром вас сюда занесло?

– Обычным! Как любого посетителя... Вот хочу купить вон тот кувшин, если он мне по карману.

– Я вам его подарю!

– Ну что вы, с какой стати?

– Мне просто хочется!

– Послушайте, я и так уж перед вами в неоплатном долгу, так еще и это...

– Прекрасная женщина не может быть в долгу перед мужиком, я хочу подарить вам этот кувшин и подарю. Но выставка закрывается только завтра... Вот что, дайте мне ваш

телефон, я позвоню, мы встретимся, и я вам его вручу. Идет?

О! Он хочет назначить мне свидание? Что ж...

Я достала из сумочки свою визитку.

Тут появилась фру Бергстрем. Она была чрезвычайно, не по-скандинавски, элегантна, весьма красива, но в глазах застыла настороженность.

– О, Мирек, ты уже тут! Девушка, это вы покупатель?

– Да, но господин Гончар уже назвал мне цену. К сожалению, она для меня непосильна. Всего доброго!

И я быстро ретировалась. И все же я не зря сюда пришла! Это явно мой мужчина! Но интересно, он действительно позвонит и подарит мне этот кувшин? Вот и поглядим! Меня переполнял восторг, хотя я вовсе не была уверена в том, что все состоится. Какое лицо! Так и хочется смотреть! И как он сказал: «Прекрасная женщина не может быть в долгу перед мужиком...» Эту фразу сказал тот человек, из аэропорта Шёнефельд... А у этого, из выставочного зала, глаза сразу погасли при появлении фру Бергстрем. Испугался? Но он считает меня прекрасной женщиной... Или это просто клише – прекрасная женщина? Нет, ведь он захотел подарить мне этот кувшин, а значит, встретиться со мной. Выставка закрывается завтра. Вероятно, они будут как-то отмечать это событие, и раньше, чем послезавтра, звонка ждать не следует... А скорее всего и вообще не следует ждать. Может, это просто был порыв художника, порыв пройдет, станет жалко дарить кувшин... Но что-то мне подсказывало, что он непре-

менно позвонит и подарит кувшин. В нем изумительно будут смотреться красные розы, например, или астры... Вот удивится Марьяшка, когда увидит у меня этот кувшин! Полный обалдемон!

– Глашенька, как ваши зубки? – встретила меня Евгения Давыдовна.

– Хорошо, что вовремя пошла!

– Было больно?

– Так, слегка. Ничего страшного!

– А я так боюсь зубных врачей, ужас просто! Но у вас сегодня совсем другой вид!

Каждую свободную минуту я мысленно возвращалась к Мирославу и его мегере. Неужто это его жена? О, тогда мне не поздоровится! А какие у него глаза! Глубокие, красивые, но мне на мгновение показалось, что он взглянул на нее даже с некоторым испугом. Если бы не его действия в аэропорту, я бы подумала, что он просто прикидывается мужиком... Но тут меня вызвали к Андрею Олеговичу.

– Глашенька, завтра утром летим во Франкфурт.

– На Майне или на Одере? – уточнила я.

– На Майне, на Майне, – улыбнулся Андрей Олегович.

– Надолго?

– На два дня. А что, у вас какие-то планы?

– Нет-нет, я просто спросила. А что там? Переговоры?

– Нет, конференция, черт бы ее побрал. Не люблю Франкфурт, скучный город! Вы там бывали?

– Нет.

– Ну, ежели вас не волнует музей Гёте, то...

– Да нет, не волнует!

– Ну ничего... Пробежитесь по магазинам... если время позволит.

– Надо что-то купить Людмиле Арсеньевне?

– Да нет, – засмеялся он, – просто девочки любят бегать по магазинам. Только не говорите, что вы не из их числа!

– Даже не собираюсь!

– Значит, завтра в семь утра за вами заедет Володя. Чего вам самой таскаться. Сперва за вами, потом за мной. Благо вы тут рядышком живете.

– Спасибо.

– Уже мечтаю о каше!

Он мечтает о каше, а мои мечты о Мирославе, похоже, накрылись медным тазом. А впрочем... Если хочет меня увидеть, подождет. А он может и вовсе не позвонить...

И мы улетели во Франкфурт.

На время работы я, естественно, отключаю телефон. И забываю обо всем на свете. И освободилась я лишь под вечер, да и то на полтора часа, Андрея Олеговича пригласили на ужин. И меня с ним, разумеется. Но до ужина у себя в номере я включила телефон. Там было три неотвеченных звонка. И все от Мирослава. Надо же! Я перезвонила ему.

– Глаша? Куда вы пропали? Я уж решил, что вы нарочно

выключили телефон.

– Простите, Мирослав, я работала, я сейчас во Франкфурте...

– А я надеялся с вами сегодня увидеться... Вы когда вернетесь?

– Послезавтра.

– Я могу пригласить вас послезавтра на ужин? Скажем, в восемь часов.

– Ну, если самолет не опоздает...

– Тогда в восемь в «Бавариусе» на Комсомольском проспекте. Знаете, где это?

– Знаю. Хорошо. Я приду.

– Очень на это надеюсь, Глаша. И про кувшин я не забыл.

– Спасибо вам!

– Глаша, отчего такое сияние? Можно узнать?

– Да так...

– Вам позвонил молодой человек? И сказал что-то приятное?

– Да!

– Вы так сияете... А можно нескромный вопрос?

– Валяйте!

– Уж не ваш ли это герой из Шёнефельда?

– Он самый! – засмеялась я.

– Выходит, он вас нашел?

– Нет, мы случайно столкнулись в доме художника.

– Вы обрадовались?

– Если честно, очень!

– А чем он занимается, если не секрет?

– Он гончар.

– В каком смысле?

– В двух смыслах. Он гончар по профессии и по фамилии.

– Он делает горшки?

– О, видели бы вы эти горшки... Просто чудо! Вот, хотите взглянуть?

И я показала ему в телефоне четыре амфоры с танцовщицами.

– Слушайте, и вправду великолепно! Он не просто гончар этот ваш Гончар, он настоящий художник! Надо же! А можно еще нескромный вопрос? – лукаво взглянул на меня академик.

– Можно.

– Он назначил вам свидание?

– Да. Но я уехала.

– Ничего, вернетесь. А он... свободен?

– Не знаю. Обручального кольца нет, но есть некая дама... как я поняла, дама-патронесса, шведская галеристка... А впрочем, зачем вам, Андрей Олегович, вся эта чепуха?

– А я, знаете ли, жутко любопытный, – засмеялся академик. – Люда утверждает, что у меня это старческое... А у вас, Глаша, есть фотография этого Гончара?

– Чего нет, того нет!

Мне почему-то не хотелось показывать ему фотографию. Вот не хотелось и все!

– Жалко! Любопытно было бы взглянуть хоть одним глазком на вашего героя...

– Любопытство заедает?

– Что ж вы не добавили «старческое»? – засмеялся он.

– Из деликатности! – заявила я.

Он со смехом погрозил мне пальцем. На этом инцидент был исчерпан.

Но вечером у себя в номере я открыла его фотографию. Какое лицо! Смотрела бы и смотрела.

На другой день после завтрака – у нас было два часа до встречи с партнерами – я пошла пройтись по улицам, просто так, без всякой цели, оставив академика в гостинице. И вдруг я увидела небольшой магазинчик с товарами для животных. В витрине сидел здоровенный игрушечный кот, перед которым стояла мисочка с кормом. Мисочка была такая красивая – ярко-желтая с лиловыми цветочками. Машук! Я вошла в магазин, мне показали много разных мисочек, спросили, какой у меня кот, узкомордый или широкомордый, с плоским носом или нет. Я ткнула пальцем в фотографию сибирского кота – по стенам были развешаны снимки разных пород. Но как оказалось, мисочка с витрины годилась только для узкомордых. И в результате я купила Машуку целый сервиз, три мисочки – для сухого корма, для влажного и для

воды. Одна темно-синяя с красными птичками, другая зеленая с розовыми мышками и желтенькая с зелеными травками. Красотища!

Хозяйка магазина расспрашивала меня про моего кота, рассказывала про своих двух британских кошек, в результате, когда я посмотрела на часы, стало ясно, что надо очень срочно возвращаться в отель. И первый, кого я увидела на улице, был Андрей Олегович, который нервно прохаживался перед входом в отель.

– Глаша! Наконец-то! Где вас черти носят?

– Что-то случилось?

– Нет, но я вдруг испугался, что вы заблудитесь... Я так не люблю Франкфурт!

– Господи, Андрей Олегович, у нас еще полчаса времени! Я бегу переодеваться. Встречаемся в лобби! Да, вот эта коробочка – мой подарок Машуку!

– Подарок Машуку? А что это?

– Набор красивых мисочек!

– С ума сойти! Спасибо! Думаю, это не столько Машука обрадует, сколько Люду. Но так или иначе, спасибо вам огромное. Бегите переодевайтесь!

Удивительное дело, мой шеф, ученый с мировым именем, удачливый бизнесмен одновременно, а общаться с ним так легко и приятно! Как много значит, когда человек занимает свое место. И к тому же хорошо воспитан!

В день отлета я с самого утра начала волноваться, улетит ли вовремя наш самолет. Полезла в Интернет. Вроде бы с погодой и в Москве, и во Франкфурте проблем не ожидается.

Но все прошло благополучно. Меня, как повелось в последнее время, завезли домой, я спокойно приняла душ, навела красоту, оделась и заказала такси. И чего я, дура, так волнуюсь? Давненько не ходила на свидания? Да нет, не так уж давно, примерно полгода назад... Но так я не волновалась, кажется, еще никогда.

Я вышла из такси и сразу увидела Мирослава. Он стоял, держа в руке высокую коробку. Кувшин! И как-то нервно озирался.

– Мирослав! – окликнула я его.

Он расплылся в улыбке и кинулся ко мне.

– О! Глаша, как я рад вас видеть! Умница, не опоздали! Вот, это ваш кувшин! Только знаете, что я подумал: идти с такой прелестной девушкой в пивной ресторан... как-то не того... У меня есть другая идея. Вернее, даже две...

– Излагайте!

– Тут недалеко, на набережной есть ресторан-поплавок. А еще можно сесть на кораблик с рестораном и поплыть по реке, благо сегодня хорошая погода...

– Мне вторая идея нравится больше, только там, кажется, надо заранее заказывать столики...

– А я заказал на всякий случай. На худой конец отменил бы... – улыбнулся он своей невозможной улыбкой.

– Какой вы предусмотрительный.

Он тут же вызвал такси, оно подъехало через минуту. И вскоре мы уже поднялись на борт небольшого парохода.

– Господа желают сидеть на свежем воздухе или в помещении?

– Господа желают на свежем воздухе! Правда, Глаша?

– Конечно!

Нам сразу подали меню, я начала его листать, а Мирослав смотрел только на меня.

– Глаша, Глаша, вы верите в судьбу?

– Вы о чем, Мирослав?

– А я верю... Знаете, почему я исчез, не взяв ваш телефон, не назвался даже...

– И почему?

– Испугался!

– И чего вы испугались?

– Понимаете, когда я там, в Шёнефельде, подошел к вам... и обнял вас... и ощутил запах ваших духов... ваш запах, я вдруг понял, что... это судьба... Но в моей жизни так сложно все завязано, и запутано и я уже привык к этим путам... и испугался, что, порвав их, я повисну... просто повисну в пустоте. И я смалодушничал... А потом уговаривал себя, внушал себе, что я, собственно, ничегошеньки об этой девушке не знаю, скорее всего у нее есть муж или любимый человек, и ей уже не семнадцать, это в семнадцать лет кажется невесть какой радостью повиснуть в пустоте... в шалаше и что там

еще...

Он говорил с такой мукой в глазах и в голосе, так горячо, даже лихорадочно, но его слова казались мне музыкой, и хоть мне давно уже не семнадцать, я, кажется, была готова повиснуть с ним в любой пустоте... хоть в вакууме, хоть в космосе... Но я молчала. Что он еще скажет?

– И вдруг я увидел вас на выставке... Вы были совсем другая... Элегантная, на каблуках, но запах... ваш запах... он никуда не делся... Это запах судьбы... Моей судьбы.

– Господа уже сделали выбор? – подошел к нам официант.

– Ох, простите, еще пять минут! – смутился Мирослав. И принялся просматривать меню. Но я видела, что он едва сдерживается... – Послушайте, можно уже принять заказ! – кивнул он стоявшему чуть поодаль официанту.

– Глаша, что вы пьете?

– Да, пожалуй, бокал сухого вина, белого.

– Дайте бутылку шардоне! – распорядился Мирослав.

Официант отошел.

– Глаша, милая, простите, вы, вероятно, подумали, что я или псих, или алкоголик, может, я немного псих, но не алкаш, это точно. Но я действительно верю в знаки судьбы... А вы?

– Пожалуй, раньше не верила, а теперь...

– Что теперь?

– Понимаете, там, в Берлине, я жутко испугалась, все это было как в дурном кино... Но когда я добралась до дома, я

вдруг подумала, что если бы не вы, моя жизнь могла бы просто рухнуть, страшно подумать, что было бы, если бы вдруг меня обыскали, а даже если нет, то ко мне явился бы тот тип... Короче, я подумала, что моя жизнь... что теперь что-то должно измениться к лучшему. И буквально в тот же день мне предложили новую работу, которая к тому же находится в десяти минутах ходьбы от дома, а раньше я тратила полтора часа только в один конец. И знаете, я пошла и купила себе чемодан... С рюкзаком больше не езжу!

– Да вы просто умница, Глаша... А что вас привело на мою выставку?

– Не что, а кто. Моя подруга Марьяна. Она постоянно ходит на всякие выставки... И я пришла просто в восторг, особенно от этих амфор с танцовщицами... Можно я задам, вероятно, идиотский вопрос...

– Валяйте! – улыбнулся он.

– Я понимаю, вы делаете эти сосуды из глины, удивительной красоты сосуды, а вот этих танцовщиц вы тоже сами рисовали?

– Да. Сам. Меня тогда захлестывали эмоции... Я попробовал... Вроде получилось...

– Вроде! Да это шедевр!

– Ну, так уж и шедевр...

– Но ведь эти танцовщицы все разные... У каждой своя судьба... И название... Оно пробуждает фантазию, ты придумываешь жизнь каждой из них... Вот красная... это сама

страсть... но какая-то разрушительная что ли...

– Боже мой, Глаша! Вы чудо! Вы так тонко и точно все поняли! А кто вы по профессии, Глаша?

– Толмач!

– То есть? Переводчик?

– Ну да. Окончила филфак, раньше работала в рекламной структуре, а сейчас в НПО.

– Что это такое?

– Научно-производственное объединение. Я люблю путешествовать, а на этой работе уж раз в десять дней непременно где-нибудь бываю с шефом. Он хороший добрый человек, мы с ним, можно сказать, друзья.

– А сколько ему лет?

– Много! Хорошо за шестьдесят.

– И он не домогается?

– Да боже сохрани!

– Вы не замужем?

– Нет. Была когда-то, но развелась. Давно.

– И вы живете одна?

– Да. Мирослав, вы вот все выпросили обо мне, а я о вас ничегошеньки не знаю. Только знаю, что вы очень талантливый художник. И еще – что вы когда-то работали на таможне, или это не совсем так? Вы на таможне не работали, а перевозили что-то таким вот образом, запихивая товар кому-то в рюкзак? Я права?

Он смотрел на меня очень пристально.

– Вы еще и умная... – хмыкнул он. – Было дело! Но я тогда был совсем молодым идиотом. Меня кидало из стороны в сторону и вот занесло ненароком в контрабандисты. Но я не выдержал... Совестно было... Такой вот совестливый оказался контрабандист. Просто если бы я только своей свободой рисковал, а выходило, что в основном чужой. Это мне не нравилось. И я слинял далеко, аж на Дальний Восток, ходил в море с рыбаками, чтобы меня не нашли прежние дружба-ны. В ресторане во Владике пел-плясал. Имел успех, один продюсер предлагал мне начать эстрадную карьеру...

– Ничего себе!

– Одним словом, искал себя... А потом меня занесло в Среднюю Азию, в Самарканд. И я случайно попал в мастерскую к гончару... Когда увидел, как он мнет руками глину, как на гончарном круге получают у него кувшины, чаши, вазы... Я напросился к нему в ученики... И вот когда я впервые коснулся глины... я ощутил, что хочу заниматься только этим... Мой учитель, Аскар-ака, говорил, что у меня талантливые пальцы... что я скоро его превзойду, я радовался как дурак... Конечно, сперва мои изделия никуда не годились, но постепенно в руках появилась уверенность и мои пиалы и кувшины имели уже надлежащий вид. Тогда Аскар-ака начал учить меня расписывать посуду, обжигать в печи... Я проучился у него полтора года, а потом...

– Потом вам стало тесно в рамках традиционных азиатских узоров, да? – решила вдруг спросить я.

– Именно! – обрадовался он. – Именно!

– И что же дальше?

– Я понял, что теперь у меня есть цель в жизни, но совершенно нет денег. И я вернулся во Владивосток, и опять пошел работать в ресторан. Меня с восторгом взяли, я там пел, мне очень хорошо платили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.